

18+

Легенды бесконечности

РОЖДЕННЫЙ

УМИРАТЬ

Дмитрий Шамара

Дмитрий Шамара
Рожденный умирать.
Легенды бесконечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35736584

ISBN 9785449316035

Аннотация

Никто не знает, что ждет нас после смерти, а кто постиг эту тайну, уже никогда никому не сможет рассказать. Но что, если появится тот, кто сумеет вернуться из загробного мира?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Рожденный умирать Легенды бесконечности

Дмитрий Шамара

Дизайнер обложки Александр Гурьянов

© Дмитрий Шамара, 2020

© Александр Гурьянов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4493-1603-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1984.24.12 Нью-Йорк

Обычно оживленный, словно муравейник, финансовый квартал, сегодня был непривычно пуст. В канун рождества даже брокеры с Уолл-Стрит проводили новогодний уикенд дома, вместе со своими семьями. Лишь в одном окне здания фондовой биржи горел свет.

Там, в своем офисе на семнадцатом этаже работал единственный человек, предпочетший провести праздники, занимаясь бумажной волокитой.

На письменном столе ворохом лежали финансовые отчеты за год, рядом стояла чашка крепкого, но уже остывшего кофе. Сидя в кресле, при свете лампы, бумаги изучал высокий, худой мужчина. Его внешность предательски выдавала в нем офисного клерка¹: у него были редкие темные волосы, крючковатый нос, высокие скулы и запавшие глаза, видневшиеся из-за массивных очков. Довершали картину огромные мешки под глазами, которые явно намекали на то, что финансист давно не спал.

Тишину, царившую в офисе, прервал стук в дверь.

– Войдите. – Не отрывая взгляда от документов, сказал

¹ офисный сотрудник.

клерк.

Дверь отворилась, но стучавший в нее пожилой охранник не осмеливался войти, оставаясь на пороге.

Финансист был погружен в работу, и уже забыл о стучавшем в дверь госте. Тогда охранник закашлялся, привлекая к себе внимание.

Со вздохом клерк отложил бумаги в сторону, и раздраженным голосом спросил:

– Что вы хотели?

Старик явно нервничал, и, переминаясь с ноги на ногу, мял в руках свою форменную фуражку, показывая полностью лишенную волос голову.

– Мистер Олдман... – Нерешительно заговорил сторож. – Завтра рождество, и уже поздно...

Олдман, начиная злиться, прервал охранника.

– К чему вы клоните?

– К нам приехали внуки, и я хотел бы домой, сэр.

– Я как раз собирался заканчивать, когда вы вошли! Идите, я тоже скоро спущусь.

Обрадованный старик почти бегом покинул офис. Послышался звук удаляющегося лифта, и снова в кабинете Олдмана наступила тишина.

Финансист откинулся на спинку кресла и снял очки. Потерев уставшие глаза, он начал собирать в кожаный кейс все непроверенные документы. Убирая сведенную часть отчетов в ящик стола, Олдман увидел лежащий там календарь.

Да у меня же сегодня день рождения. — Подумал клерк, и усмехнулся.

Собрав свои вещи, финансист накинул серое пальто, взял кейс, привычным движением руки выключил свет, и, закрыв офис, отправился к лифту.

Висевшие на стенах светильники тускло горели, отбрасывая длинные, зловещие тени. Шаги финансиста гулким эхом раздавались по пустому коридору, делая помещение еще более безжизненным. Олдман много раз оставался работать один, и наедине с собой чувствовал себя очень уютно. Но сейчас ему было почему-то жутко. Клерк ускорил шаг. Подойдя к одному из нескольких лифтов, он только нажал кнопку вызова, как челюсти механического монстра сразу разжались, приглашая войти. Олдман тряхнул головой, сгоняя наваждение. Поспешно убеждая себя, что никаких монстров не бывает, он зашел внутрь лифта.

Невыносимо медленно, подъемник отправился вниз. Над входом поочередно загорались лампочки, в обратном отсчете подсвечивая цифры: 16...15...14.... Казалось, целая вечность прошла, пока, наконец, не засветилась долгожданная цифра «1». Прошло еще несколько секунд, раздался звонкий сигнал, и двери разъехались в стороны.

Олдман вышел в холл, где его уже ждал переодетый в гражданскую одежду охранник. Увидев финансиста, старик загремел ключами, в спешке отпирая дверь. Наконец, она отворилась, и Олдман шагнул навстречу ночному горо-

ду.

– До свидания, мистер Олдман! – Уже на выходе, вслед Клерку крикнул сторож.

Снег падал хлопьями, красиво кружась в свете фонарей. Легкий мороз приятно охлаждал кожу, после нескольких часов работы в душном помещении, и клерк решил пройтись пешком. Погруженный в свои мысли, он совершенно не обращал внимания на развешанные повсюду гирлянды и поющие на каждой улице хоры.

– Осторожнее, придурок! – Грубый голос заставил Олдмана оторваться от размышлений. – Смотри, куда прешь!

Финансист поспешно сошел с дороги, которую в задумчивости хотел перейти на красный свет, и таксист, рассыпая проклятия в адрес невнимательного пешехода, унесся прочь. Свет на пешеходном светофоре с красного сменился зеленым, и Олдман поспешно перешел дорогу. Впереди клерк увидел магазин, который подмигивал ему неоновыми огнями рекламной вывески. Финансист решил зайти, что бы сделать себе небольшой подарок.

В торговом зале никого не было, за исключением продавщицы, которая смотрела какое-то ток шоу по маленькому телевизору за кассой. Полки в магазине были заставлены алко-голем, чипсами, быстрыми завтраками, газировкой, и множеством других товаров. Проходя мимо всего этого изобилия, Олдман устремился в кондитерский отдел. На высоком стеллаже перед ним лежали штрудели, торты, рулеты, пон-

чики, пироги и круасаны, но внимание Финансиста привлекла небольшая полка, заставленная разнообразными пирожными.

Остановившись перед ней, он долго рассматривал сладости, пытаясь выбрать. Но, даже на маленькой витрине был очень широкий ассортимент, и Олдман так и не смог определиться. Разочарованный, он уже собирался уходить, как вдруг услышал за своей спиной незнакомый голос:

– Советую шоколадно-клубничный кекс.

Клерк вздрогнул от неожиданности. Обернувшись, он увидел, кому принадлежит голос.

Это был высокий, опрятный мужчина с квадратным подбородком, и массивными скулами. У него были голубые глаза, и густые черные волосы, зачесанные назад. Одет он был как гангстер из 30-х годов: черный костюм, белая рубашка с ярко красным галстуком и лакированные туфли.

– Прошу прощения?

– Шоколадный кекс с клубникой. Великолепный вкус. – Незнакомец расплылся в широкой улыбке.

– Разве мы знакомы? – Поправляя очки, спросил Олдман.

– Простите, кажется, я забыл представиться. Меня зовут Блэк. Дестер Блэк.

– Генри Олдман. – Финансист представился, и отвернулся к стойке, избегая дальнейшего разговора.

– С днем рождения, Генри. – Снова раздался голос Блэка за спиной Олдмана.

– Как вы узнали? – Оборачиваясь, спросил Генри, но незнакомец исчез.

Олдман пошарил взглядом в поисках Дестера, даже заглянул за стеллажи, но так никого и не нашел.

– Видимо, я слегка переутомился. – Смущенно пробормотал клерк, и, взяв клубнично-шоколадный кекс с полки, отправился к кассе.

Генри положил перед продавщицей свою скромную покупку, и та нехотя оторвалась от просмотра шоу.

– С вас 25 центов. – Сонным голосом произнесла она.

Генри, доставая из кармана пальто кошелек, спросил:

– Скажите, а вы не видели мужчину в черном костюме и лакированных туфлях? Он только что был здесь.

Продавщица уставилась на него как на сумасшедшего.

– Вы за последние несколько часов первый посетитель.

– Извините – Смущенно пробормотал финансист, и быстро отсчитал деньги.

Расплатившись, клерк вышел из магазина и продолжил путь домой, держа в одной руке кейс с бумагами, а в другой сжимая пакет с купленным кексом. До дома Олдману оставалась всего пара кварталов, но вдруг поднялся ветер, превращая снегопад в настоящую метель. Генри укутался в пальто, подняв воротник, и побежал по безлюдной улице вдоль дороги, в надежде поймать такси. Но, как назло, ни одной машины не было. Клерк посмотрел на свои часы. Они показывали 21:07.

Странно. – Подумал Генри, не сбавляя бега. – *В это время же полно таксистов...*

Впереди показался перекресток, И Олдман прибавил ходу. Перебегая дорогу, клерку удалось преодолеть половину пути, но он поскользнулся на обледенелом участке асфальта. Нелепо взмахнув руками, Генри растянулся посреди проезжей части. Пакет с кексом отлетел в сторону, а кейс, упав на дорогу, раскрылся, выпуская на свободу хранившиеся в нем документы. Оправившись от падения, финансист, ползал на коленях, собирая бумаги, которые уже начал уносить ветер.

Вдруг, Олдман увидел яркий свет, за которым последовал протяжный звуковой сигнал. Клерк, прикрываясь рукой от слепящего света, попытался подняться. Но не успел. С жутким скрипом завизжали тормоза, а затем раздался удар.

Тьма пришла внезапно, обнимая и растворяя Генри в небытие. Когда последние остатки разума померкли, и Олдман почти слился с пустой, до его угасающего сознания донесся зовущий голос, исходивший, казалось из другого мира.

– Генри... Генри, очнись!

Звучание собственного имени в месте, где царило абсолютное ничто, показалось Олдману очень странным.

Но голос не исчез, а лишь с новой силой продолжил звать финансиста. Почти канувший в забвенье клерк вдруг ощутил, как ласковые объятия тьмы обернулись липкими,

словно, покрытыми холодным потом руками, тянущими его в бескрайнюю бездну.

Собрав воедино остатки своей личности, Олдман начал вырываться из ледящего плена. В конце концов, ему это удалось, и тьма отступила.

С громким криком Генри открыл глаза. Он все так же находился на дороге, окутанной ночью, но снежная буря стихла, уступая место штилю.

Прямо перед ним, на расстоянии вытянутой руки стоял мужчина, которого Олдман видел в магазине всего полчаса назад.

– Мистер Блэк? – В удивлении проговорил финансист. – Что тут произошло? И вы тут что делаете?

Дестер Блэк, не смотря на холодную погоду, по-прежнему был одет в свой «гангстерский» костюм.

– Вы умерли, мистер Олдман. – Слова Дестера обрушились на Генри, словно молот.

– Это какая-то злая шутка!?! – В страхе воскликнул Олдман.

Дестер оставался спокойным, и ровным голосом продолжил.

– Нет, мистер Олдман. Это не шутка. Посмотрите вокруг, что вы видите?

Финансист осмотрелся по сторонам: на обочине, врезавшийся в телефонную будку, стоял грузовик, за которым тянулся длинный тормозной след. Внутри, виднелся водитель,

лежавший в кабине без сознания. А на проезжей части, в неестественной позе лежало окровавленное тело мужчины, одетого в серое пальто. Рядом с трупом лежали очки и раскрытый, опустевший кейс.

Олдман почувствовал, как его руки пробила мелкая дрожь. Он обратил выпученные от ужаса глаза на Блэка.

– А вы тогда кто такой?

– Ты знаешь ответ, Генри. – Сухо отозвался Смерть. – Нам пора.

Дестер взмахнул рукой, и воздух, подчиняясь его немому приказу, затрещал, рассыпая искры. Пространство треснуло, образуя светящуюся брешь, достаточно большую для того, что бы в нее мог пройти взрослый человек.

Смерть выжидающе смотрел на финансиста, стоя около бреши.

– А что будет... дальше? – Дрожащим голосом спросил Генри.

Блэк, казалось, ждал именно этого вопроса. Оставаясь невозмутимым, он незамедлительно ответил:

– Я отведу тебя на Суд.

– Подожди! Этого просто быть не может! Мне это снится, да? – Генри попытался ущипнуть себя.

Дестер поморщился.

– Не старайтесь, мистер Олдман, умершие не могут чувствовать боль. Вы готовы?

– Нет! Нет! Я совсем не готов умирать! Все это мне снит-

ся, я уверен!

Дестер снисходительно улыбнулся.

– Тогда вам нечего бояться, Генри, так ведь? Если вы спите, то стоит вам проснуться, и все закончится. Пойдемте, у меня еще полно работы.

Олдман вздохнул, и шагнул в разлом, окончательно преодолев границу мира живых и мира мертвых.

Глава 2

Переход оказался быстрым, и, выйдя с другой стороны, клерк оказался в месте, отдаленно напоминающем зал ожидания.

Из белого мраморного пола, устремившись ввысь, выросли колонны, теряясь из виду высоко в облаках, которые служили тут потолком. Мраморная площадь казалось бесконечной, и со всех сторон ее окружало бескрайнее синее небо.

Через мгновенье после Генри, из портала вышел Дестер.

– Впечатляет, не правда ли?

– Да... очень эффектно... но где мы?

– Это первое небо. Именно тут решают, куда отправить душу. Ну, пора прощаться, Генри.

– Ты оставишь меня здесь одного!?

– Мистер Олдман... моя задача – доставить вас сюда. И с ней я прекрасно справился. А теперь мне пора. – Блэк подмигнул Олдману. – Располагайтесь, скоро придет и ваш черед идти на Суд. Прощайте, Генри.

Смерть зашел в светящийся разлом, из которого они только что вышли, и тот поспешно закрылся, отрезая Олдману путь обратно.

На бескрайней мраморной пустоши было полно людей: мужчины, женщины, и дети всех возрастов и национальностей.

От разнообразных одежд рябило в глазах: люди тут носили старинные костюмы и пышные платья, смокинги и обноски. У кого-то были халаты или шубы. Генри даже увидел молодую пару в звериных шкурах, спешащих куда-то по своим делам, держась за руки.

Обитатели первого неба делились на группы и бродили в одиночку. Кто-то вел степенные беседы, а кто-то слонялся без дела.

Олдман не стал сидеть на месте, и решил пройтись. Иногда на его пути встречались фонтаны, как правило, возле которых играли дети, со звонким смехом разбрызгивая кристально-чистую воду. Местами виднелись аккуратно стриженные кусты роз, растущие прямо из мраморного пола. До слуха доносились звуки арфы, но музыкантов нигде не было видно.

Разнообразным пейзаж сложно было назвать, но людей, находящихся тут это совсем не смущало, как и тот факт, что они все уже мертвы.

Внимание Генри привлекла мелодия, которую негромко напевала женщина, одетая в длинное зеленое платье и платок, что укрывал ее голову. Она гуляла в полном одиночестве, как будто никого не замечая вокруг. Олдман прислушался, и что-то в этой мелодии показалось ему неуловимо знакомым. Мелодия была спокойной и ласковой, в ней чувствовалось тепло и забота. Он остановился, в попытке разглядеть женщину, которая ее напевала, и вдруг, неожиданно

даже для себя он воскликнул:

– Мама!?

Женщина перестала напевать колыбельную, и, остановившись, обернулась к Олдману.

– Генри? – еще не веря своим глазам, спросила она. – Генри! – Обрадованным голосом выкрикнула она и бросилась к Финансисту.

Подбежав к нему, женщина внезапно остановилась, и вспыхнувший на мгновение огонь в ее глазах погас, а взгляд опять стал отстраненным.

– Ах, ты, наверное, еще одно видение.... – С горечью произнесла она. – Но ничего, однажды мой сын придет ко мне.

Она уже собиралась уходить, но Генри схватил ее за руку.

– Мама! Постой! Это же я, Твой сын!

Остановившись, женщина недоверчиво взглянула на Олдмана.

– Моему сыну двадцать лет. А ты гораздо старше.

– Да, мама... – Олдман почувствовал, как на его призрачные глаза наворачиваются слезы. – Много лет уже прошло с того дня, как ты умерла. – Горечь, подступившая к горлу, заставила его прерваться. – Мне только что исполнилось сорок пять. И теперь я тоже здесь. – Хриплым голосом смог выговорить Генри.

Глаза женщины потеплели, она обняла Олдмана, и, глядя его по голове, сказала:

– Все хорошо, мальчик мой, я рядом.

Генри отстранился из материнских объятий и спросил:

– Но почему ты до сих пор здесь?

– Мне было уготовано место в раю, но я решила дождаться тебя, что бы войти туда вместе. – Женщина ласково улыбнулась.

Олдман увидел за ее спиной приближающегося к ним человека; воздух вокруг него как будто светился, за спиной у него было шесть размашистых крыльев, которые он сложил, когда оказался рядом.

– Ну вот, Лорейн, как я обещал твой сын пришел.

– Кто вы? – Спросил Олдман, чувствуя, что от пришельца веет покоем и любовью.

– Меня зовут Михаил. Я Архангел. Сейчас, Генри, пришло твое время.

– Как? Уже? Можно немного подождать? Я ведь только что встретил свою мать!

– К великому сожалению нет. Твой час пробил.

– Черт возьми! – не очень удачно выругался Генри – Сначала какой-то мужик мне говорит, что я умер и тащит на Небо! Потом мне не дают опомниться, и заталкивают мою душу в зал суда! У вас всегда тут такая спешка!?

Архангел по-отечески взглянул на Олдмана, и продолжил.

– Для всех душ события протекают по-разному: для одних переход проходит плавно, для других более быстро, некоторые понимают, что с ними произошло только тогда, когда оказываются здесь. Но человек, работающий с цифрами, та-

кой человек как вы, Генри, привык расходовать свое время наиболее продуктивно, верно?

– Да, но...

– Именно поэтому Мистер Блэк, избегая ряда проблем, сразу привел вас сюда, Генри.

– Какие у меня могут быть проблемы, если я уже мертв? – Удивился Олдман.

– Например, вы могли кануть в забвение. Вы ощущали нечто странное?

Генри вздрогнул, вспомнив, как совсем недавно он почти растворился в пустоте.

– Да. Я чувствовал, что перестаю существовать.

– Это и есть забвение. – Кивнул Михаил. – Что ж, Генри, пора.

Он поманил их дланью, и ошарашенный Олдман вместе со своей матерью последовали за ним. Довольно скоро они подошли к огромным воротам, которые охраняли два четырехкрылых ангела, держа в руках огромные мечи остриями вниз.

– Вот мы и пришли. Что бы ни произошло дальше, восприми это, как свою судьбу, как свой выбор. – Обращаясь к Генри, проговорил Архангел. – Дальше ты идешь один.

Михаил кивнул стражам, и те отворили створки врат.

– Сынок, я буду ждать тебя тут. – Ласково проговорила Лоррейн.

Генри неуверенно зашагал в зал, скрывавшийся за врата-

ми. Как только он переступил порог, Створки ворот сомкнулись.

Внутри, сидя на возвышенности за массивным деревянным столом, сидел старец. У него были небольшие круглые очки, и очень длинная седая борода. Около стола находились большие весы, с двумя пустыми чашами. По левую сторону зала стоял настоящий демон: у него была красная кожа, вместо ног виднелись копыта, на лбу торчали большие рога. Одет он был в строгий черный костюм. По правую сторону находился ангел, одетый в сияющую мантию. За его спиной виднелись шесть крыльев, как и у Михаила.

Старец заговорил:

– Подойди.

Генри послушно зашагал к столу, остановившись, лишь, когда поравнялся с ангелом и демоном.

– Назови себя. – Голос старца был густым и басистым.

Проглатывая невидимый ком в горле, Олдман ответил.

– Олдман... Генри Олдман.

– Заседание открыто. – Пробасил Судья. – Обвинитель, вам слово.

– Мне... нечего сказать. – После паузы сиплым голосом проговорил демон.

– Хм... ну, хорошо. – Удивленно проговорил старец. – Защита? Что вы скажете?

– И мне нечего ответить. – Звонким голосом проговорил ангел.

Брови судьи взлетели вверх.

– Подсудимый, знаете ли вы, что это за весы? – Указывая на чаши, спросил старец, обращаясь к Генри.

– Нет – Робко ответил клерк.

– Обвинитель и Защитник следят за душой от момента ее рождения, до самой смерти. Они запоминают поступки, которые совершает душа, и на Суде предоставляют их как доказательства, взвешивая их на этих весах.

Начиная волноваться еще больше, Генри спросил:

– Что это значит, зачем вы мне это рассказываете?

– Твои весы пусты. Тебе нельзя в рай, Генри Олдман.

Клерк почувствовал, как его бросило в дрожь. Призрачное тело онемело, И Олдман застыл в оцепенении.

– Но и в ад тебя тоже нельзя отправить.

– Нельзя? – Еле разлепив слипшиеся губы, произнес финансист. – Что же тогда со мной будет?

– Обычно, если чаши весов равны, то мы отправляем душу в чистилище, для реинкарнации. Но твоя душа абсолютно чиста.

– И? – Нервно спросил Генри.

– Я не могу с уверенностью сказать – Ответил старец, снимая очки. – Это первый случай за всю историю существования. Мне нужно удалиться для принятия решения.

Судья вышел из-за стола и скрылся за небольшой дверью, притаившейся в конце помещения.

Генри мерил шагами зал, боязливо проходя мимо демона,

который, как и ангел, стоял абсолютно без движения. Время тянулось, словно кисель, заставляя Финансиста все больше нервничать. Но, вскоре дверь снова открылась, и старец с обеспокоенным лицом вернулся за стол.

Финансист тут же вернулся в свою исходную позицию, и, с дрожащим сердцем приготовился слушать приговор.

– Генри Олдман. Вы приговариваетесь к повторному возвращению в мир живых.

Генри облегченно вздохнул.

– Но, новое тело вам предоставлено не будет. По решению Суда, вы получаете великий дар, который обернется великим проклятием, если им неправильно пользоваться...

– Что это за дар? – Не выдержав, спросил Генри.

Судья остановил свою речь, и посмотрел на Олдмана поверх очков.

– Вы будете вселяться в каждое тело, которое покинет душа. Если тело смогут вернуть к жизни, то вы останетесь в нем, и сможете жить и совершать *поступки*, что бы мы смогли наполнить весы.

Губы клерка задрожали

– ЧТО!?! Вы хотите сказать, что я буду умирать снова и снова?

– К сожалению другого пути нет.

– Подождите! Меня с наружи ждет мать, дайте мне хотя бы попрощаться с ней!

– Если вы распорядитесь своим положением правильно,

то вы встретитесь вновь. А сейчас, Генри Олдман время возвращаться на землю. Идите.

В ту же секунду вспыхнула яркая вспышка, ослепившая клерка, и через мгновение он оказался на земле.

Генри стоял посреди дороги, на которой его сбил грузовик. Ни тела, ни водителя уже не было, только телефонная будка, которую еще не успели починить, стояла покореженной грудой металла.

После смерти Олдман обнаружил, что Нью-Йорк преобразился, и к снующим всюду людям добавились полупрозрачные фигуры духов. Они жили своей жизнью, по большей части, не обращая внимания на смертных. Генри полетел вдоль дороги, озираясь по сторонам.

Паря над мостовой Олдман заметил призрака, который несся прямо на него. Это был индеец с луком и стрелами за спиной. На его голове красовался огромный головной убор из перьев, а на плечи была накинута жилетка из волчьей шкуры. За поясом духа виднелся небольшой топор.

– Прочь с дороги! – Прокричал он.

Генри отлетел в сторону, не желая ссориться. Индеец стремительно пронесся мимо Олдмана, а за ним гналась целая стая призрачных койотов.

Клерк, уже перестав чему-либо удивляться, просто полетел дальше. Генри парил над дорогой, сам не зная, куда направляется. Пока не оказался рядом со старым многоквартирным домом. Своим домом.

Клерк решил навестить свою квартиру. Поднявшись на четвертый этаж, и оказавшись перед своей дверью, Олдман, наконец, понял, зачем он здесь.

Он пришел попрощаться.

Его призрачное тело легко просочилось внутрь. В пустом жилище все оставалось так, как было последний день жизни Генри.

Его небольшую квартирку можно было даже назвать уютной: в гостиной стоял широкий кожаный диван, рядом располагался журнальный столик, с лежащими на нем книгами. Скромное место в углу занимал небольшой телевизор. В спальне кровать была аккуратно заправлена, из приоткрытого платяного шкафа виднелись висевшие на вешалках костюмы. Создавалось впечатление, что тут до сих пор живут. Только одна деталь выдавала отсутствие хозяина – отрывной календарь, висевший на стене в прихожей, все так же показывал двадцать четвертое декабря 1984 года. День его смерти и перерождения.

Увидев календарь, Генри вздрогнул, и понял, что здесь ему больше нечего делать.

Покинув свою бывшую квартиру, он почувствовал, что исчезло напряжение, которое росло с момента его смерти.

Генри был готов.

Он освободился от оков жизни.

Призрак Олдмана отправился ан поиски нового тела. Уже стемнело, и клерк парил по пустынным улицам, не представ-

ляя, что ему делать дальше.

Неподалеку, в переулке он услышал крики:

– Отдавай свое барахло, сука!

– Пожалуйста, не делайте мне больно!

Залетев в проулок, Генри увидел Мужчину в кожаной куртке и маске, с ножом в руке, которым угрожал молодой чернокожей девушке. У нее по щекам ручьями текли слезы, а глаза были полны ужаса.

– Вот, пожалуйста! Возьмите, это все, что у меня есть! – Взмолилась девушка, протягивая грабителю часы и несколько смятых долларов.

Олдман попытался схватить вора, но призрачные руки прошли сквозь него. Тогда Генри не в силах материально повлиять на происходящее, начал кричать на бандита, пытаясь хоть как то помочь жертве:

– Убери от нее свои грязные лапы, животное! – Но никакого результата это не дало, грабитель совершенно его не слышал.

Забрав у девушки все, что она ему отдала, вор пришел в бешенство. Брызгая слюной, он начал орать на нее:

– Ты что, меня за дурака держишь, шлюха!?

– Нет, нет, пожалуйста! – Взмолилась девушка.

Но преступника было уже не остановить.

Острое лезвие ножа легко вошло в молодое женское тело. Кровь из пробитой печени начала выплескиваться толчками. Девушка схватилась за рану в удивлении, но жизнь вытекала

из нее быстрее, чем вода из сита. Подняв полные боли глаза, она внезапно замолкла и упала.

Вор, бросив нож, умчался прочь.

В этот же миг за душой девушки, которая уже покидала телесную оболочку, пришел Смерть.

– Мистер Блэк! – Радостно воскликнул Генри, увидев знакомое лицо в этом безумном мире.

Дестер был в своем неизменном костюме, и, увидев Олдмана, в удивлении вздернул брови:

– Генри? Я же отвел тебя на суд...

Олдман не успел ничего ответить, его с непреодолимой силой начало затягивать в бездыханное девичье тело.

Сердце отчаянно цеплялось за жизнь, продолжая качать кровь, которая фонтанами выплескивалась из раны. Мозг постепенно умирал без кислорода, но из последних сил сигнализировал о повреждениях. Генри пронзила страшная боль, но он был жив.

Пусть и не долго.

Через минуту кровь уже не выплескивалась, а текла тонкой струйкой, и тело, наконец, смогло умереть.

А значит, умер и Генри. Снова.

Вернувшись в призрачную форму, Олдман никого не обнаружил, Смерть уже увел душу, и Генри остался опять один.

Глава 3

Много лет Олдман искал пристанище в чужих телах, но умирал снова и снова. Потеряв всякую надежду однажды стать живым, он свыкся с ролью блуждающего духа. Но все изменилось в этот день.

Апрельский день выдался теплым, на ясном небе ярко светило солнце, пробуждая город от долгой зимы. Олдман парил по улице, возвращаясь с кладбища, где было похоронено его тело. Смерти, которые он видел, заставили переосмыслить его свою жизнь, и Генри частенько летал между могилами, размышляя о том, как бы он распорядился ей, если однажды у него получится занять освободившееся, живое тело. Занимая свободное время, Генри проникся искусством и спортом, бывал во всех музеях города, посещал оперу и балет, ходил на футбол. Но больше всего, он полюбил бейсбол.

Как раз сегодня лицом к лицу встретятся «Бруклинские быки» и «Гудзонские ястребы». Игра обещает быть интересной. Олдман ни за что не мог ее пропустить.

Самое приятное в жизни привидения – не нужно покупать никаких билетов, да и место в первом ряду всегда найдется.

Солнце стояло в зените, и, до начала матча оставалось всего пара часов. Генри отправился на стадион занимать себе место. Конечно, нужды в этом не было, но чем еще заняться призраку?

Генри парил над полем в ожидании. Постепенно начали собираться болельщики, появились продавцы хот-догов, ходившие между рядами. Наконец трибуны были забиты до отказа, и собравшиеся ожидали начала игры.

Совсем скоро зазвучала музыка, и на поле показалась команда «быков». Болельщики свистели и кричали, что было мочи, приветствуя их. Потом показались «Ястребы», и с другой стороны трибун послышались возгласы и одобрительные крики.

В прошлый раз «быки» сделали «ястребов», но сегодня пришло время реванша.

Игроки обеих команд заняли свои места. Раздался звуковой сигнал, и игра началась.

Генри занял место возле питчера² «Быков», они как раз были в защите. Питчер принял стойку, замахнувшись, замер на мгновение и отправил мяч сложной крученой подачей. Теме не менее, бьющий смог правильно рассчитать траекторию мяча, и, мощным ударом отправил его за пределы поля. Хоум-ран принес первое очко «Ястребам». Трибуны взорвались овациями, болельщики из Нью-Джерси уже были уверены в своей победе.

Тренер подбадривал питчера, который заметно занервничал:

– Алекс, соберись, это всего лишь первый иннинг³!

² Игрок в бейсболе, который подает мяч.

³ Иннинг – период игры в бейсболе, поделенный на две части. Команда, игра-

– В этот раз они подготовлены лучше, тренер.

– Попробуй подать 12—6 корвebolл⁴. Он силен, но не достаточно быстрый!

– Хорошо, тренер – ответил Алекс.

Шлем надвинулся Алексу на лоб во время первой подачи, и питчер отстегнул ремень, отодвигая шлем на затылок, чтобы увеличить обзор.

Это было грубейшим нарушением техники безопасности, поэтому Алекс дождался, когда тренер отвернется к защитнику третьей базы.

Генри молчаливо наблюдал за игрой. Он даже затаил бы дыхание, если бы призраки могли дышать.

Питчер размахнулся, и послал мяч вперед хитрым броском. Бьющий рассчитывал повторить хоум ран, и держа битку наготове, ждал подлета мяча. Мяч стремительно приближался, но в последний момент начал резко падать. Бьющий, уже замахнувшись битой смог достать мяч в последний момент, но тот полетел не вверх, а прямо в питчера.

Генри заметил, что на поле появился Мистер Блэк, но до того, как он успел понять, зачем он здесь, мяч угодил питчеру прямо в голову. Сраженный ударом, Алекс упал замертво, а Олдман в тысячный раз ощутил, как его начинает тягивать в очередное мертвое тело.

ющая в первой половине иннинга в защите, во второй переходит в нападение, и наоборот.

⁴ Сложная подача, при которой мяч летит прямо, но в последний момент резко начинает падать вниз.

Снова боль.

Снова тьма.

Но, в этот раз все было по-другому. Генри не мог покинуть тело, оставаясь между жизнью и смертью.

Спустя какое-то время у него получилось открыть глаза. Яркий свет слепил, и Олдман прищурился. Над ним было много склонившихся людей, он видел их силуэты, и слышал, голоса, но что они говорили, он не мог разобрать. Привыкнув к освещению, и окончательно придя в себя, он увидел несколько врачей и заплаканную молодую женщину, которая за руку держала ребенка.

– Слава Богу, Алекс, ты жив! – Девушка, рыдая от счастья, кинулась обнимать Генри.

– Мисс Миддл! Алекс еще очень слаб, но будет жить. Позвольте, мы им займемся – сказал один из врачей, и повел девушку к выходу из палаты.

– Что... что случилось? – Пробормотал Генри. – Кто выиграл матч?

Один из врачей озабоченно рассматривал Олдмана:

– Мистер Миддл! Мы вас с того света вытащили, а вы все про игру спрашиваете! Ваша жена чуть с ума не сошла!

– Что случилось? – Генри совершенно не понимал, что он жив. – Жена? И почему вы называете меня Алексом?

Врачи переглянулись, а тот, который говорил с Генри, продолжил:

– Я – ваш лечащий врач Николас О’Брайн. У вас была

обширная травма головного мозга, после таких повреждений обычно не выживают. Потеря памяти, пожалуй, не самое страшное. Хорошо, вы хоть говорить можете! Вас зовут Алекс Миддл, девушка, которая была здесь – ваша жена Николь, а мальчик – ваш сын Томас. Вы знаете, какой сейчас год, Алекс?

– Я с 1993 сбился со счета. – Угрюмо ответил Генри

Доктор немного расслабился, и улыбнулся, хотя взгляд оставался серьезным.

– Шутите? Это хорошо. Значит идете на поправку. Сегодня двадцать четвертое апреля 2021 года. Амнезия временная, мы полагаем, хотя судить сложно, таких пациентов у нас еще не было, поэтому гарантий мы не даем. Мы поместили вас в отдельную, лучшую палату в нашей больнице. Так что отдыхайте.

Врачи вышли, оставив Генри в своем новом теле одного, наедине со своими мыслями.

– Тридцать шесть лет... тридцать шесть лет я умирал снова и снова, а теперь, наконец-то я жив... – Прошептал Генри, все еще не веря в случившееся.

– Мои поздравления, Генри.

Олдман с удивлением посмотрел на своего незваного гостя. Дестер сидел в углу палаты, раскинувшись на кресле.

– Мистер Блэк? Как вы узнали, что я здесь?

Дестер улыбнулся своей загадочной улыбкой:

– Мистер Олдман... или, теперь вас стоит называть Алекс

Миддл? Я же Смерть, от меня не укрылась новость, что какой-то покойник вернулся с того света. Ты теперь, своего рода знаменитость.

– Тридцать шесть лет, Дестер... – Снова прошептал Генри.

– Что думаешь делать со своей новой жизнью?

– Пока не знаю, но чертовски рад тебя видеть!

– Редко можно услышать, что кто-то меня рад видеть. – Глаза Смерти смеялись. – Мне пора идти, Генри. Через несколько минут у Джесики Фокс случится кровоизлияние в мозг, нельзя опаздывать.

Блэк подмигнул Олдману, и исчез, так же внезапно, как и появился.

Генри лежал на кушетке и бездумно смотрел в потолок, привыкая к новой телесной оболочке. Тишину нарушало только капание раствора в капельнице. Вдруг, дверь отворилась, и на пороге появилась та самая девушка, которая приходилась женой бывшему владельцу этого тела.

Ее карие глаза были распухшие от слез, но она уже улыбалась. Белокурые локоны водопадом ниспадали на ее плечи. Небольшая грудь оттопыривала футболку, выгодно очерчивая контуры тела, а узкую талию можно было обхватить одной рукой.

Она была прекрасна.

– Алекс, как ты чувствуешь себя? Врачи сказали, у тебя амнезия... я – Николь, твоя жена. Вот, я принесла те-

бе немного фруктов, и еще... – она говорила и говорила, но Генри уже не слушал, а просто смотрел на нее, и не мог оторвать взгляда. *Боже, как же она хороша* – только это и вертелось в голове Олдмана.

– Алекс? ... Алекс? Ты меня слышишь? – Ласковый голос Николь вырвал Генри из оцепенения.

Он вздрогнул, и рассеянно улыбнулся.

– Не знаю, говорил ли я тебе, но твои глаза подобны безграничному космосу, в котором так и хочется раствориться.

Щеки Николь заалели, она опустила взгляд, и застенчиво улыбнулась.

– Тот Алекс, за которого я вышла замуж, и слов то таких не знает.

– Значит, он был дураком! Не волнуйся, тот Алекс мертв.

Николь улыбнулась, но в глубине глаз промелькнули тревожные огоньки.

– Отдыхай, любимый. Доктор О'Брайн говорит, что ты идешь на поправку, и через пару недель тебя можно выписывать.

Она ушла, тихо притворив за собой дверь, и с ее уходом Генри ощутил, невероятную тоску, как будто нечто прекрасное забрали из его жизни.

Фрукты, принесенные Николь лежали на прикроватной тумбочке. Олдман привстал на кровати и взял яблоко, которое соблазнительно манило его ярко-красным боком. Когда он вонзил зубы в сочную мякоть, щедро брызнул сок. Генри

жадно съел одно яблоко, и потянулся за следующим.

Глава 4

Следующие несколько дней Олдман вспоминал, какого это – быть живым. Генри учился различать запахи, ощущения от прикосновений, вкусы еды – все для него было в новинку.

Доктор О’Брайн познакомил его с интернетом, и показал, как пользоваться голосовым помощником. Олдман жадно изучал историю мира, который успел здорово измениться за время, пока он был мертвецом. Но всего этого было недостаточно. Генри требовалось живое общение.

При жизни у Олдмана не было друзей или родственников, он был одинок и полностью посвятил свою жизнь работе. Зато Алекс Миддл был небезызвестным человеком, и в палату приходило много посетителей. Одним из первых пришел тренер «быков».

Солнце вовсю светило в окно, обрадовано сообщая о начале нового дня. Генри, лежа на кровати, просматривал казавшие в лету события: разрушение Берлинской стены, развал СССР, переход в новое тысячелетие, ознаменовавшее цифрой век. Олдман успел изучить историю до 2001 года, где после трагедии 11 сентября кровавой вереницей потянулись войны, теракты, убийства. Генри с отвращением и ужасом читал о том, как мир, в котором он жил, покатился в пропасть с нарастающей скоростью.

Раздался стук в дверь.

– Войдите. – Олдман с облегчением махнул рукой, словно перелистывая огромную страницу книги, и монитор на стене послушно погас.

– Эй, парень, не спишь? – С явно наигранным оптимизмом поприветствовал Олдмана гость, вошедший в палату.

Это был уже пожилой мужчина среднего роста с сетью морщинок вокруг глаз. Волосы, тронутые сединой, были коротко острижены. Одет он был в красную клетчатую рубашку, светло коричневые брюки с подтяжками, и уже заношенные черные туфли. В руках гость держал маленький букет красных роз.

– Мы знакомы? – безучастно поинтересовался Генри.

– Алекс, меня зовут Чарли Сайкс. Я тренер команды «Бруклинские быки», ты играл в ней... до травмы.

– Надо же. – Усмехнулся Генри.

Тренер немного смутился от такого ответа.

– Врачи говорили, что когда ты очнулся, то первым делом спросил, кто выиграл в матче.

– Так зачем вы пришли? – Желая сменить тему, спросил Олдман. – Я же вижу, что вы не просто цветы мне решили занести.

– Ах, черт... цветы. – Чарли рассеянно улыбнулся и поспешно положил букет на тумбочку. – Алекс... у меня серьезный разговор к тебе. – Лицо тренера сразу осунулось, и как будто постарело еще больше. – Ты... ты больше не смо-

жешь играть в бейсбол.

Генри удивленно присвистнул

– Возможно, сейчас для тебя это и не так важно, но однажды память вернется к тебе. – Продолжил Чарли.

– Я ничего не знаю о том, какой была моя жизнь раньше.

– Возможно это новый шанс, а?

– Что вы имеете в виду?

– Все игроки команды были застрахованы. Причем на крупные суммы. Алекс, ты был официально мертв целых две минуты! И это сделало тебя богаче на десять миллионов! – Последние слова Чарли почти выкрикнул.

– Мертв пару минут, и уже миллионер – Снова усмехнулся Генри. А о некоторых забывают, пока даже тело не успело остыть.

– Что ж, Алекс. Ты был хорошим игроком. Хочу, чтобы ты знал. Я тоже оставляю карьеру. – Не заметив иронии, продолжил Сайкс.

– Что же заставило вас принять такое решение, Чарли? – Искренне удивился Генри.

– То, что случилось с тобой на поле, в первую очередь – моя ошибка. Пресса уже изрядно потрепала мое имя за это. Но, причина не в этом.

– А в чем же?

– Всю свою жизнь я посвятил бейсболу. Я отдавался работе целиком. Я горел идеей быть лучшим, а потом – тренировать лучших. Я был одержим, и в конечном итоге это раз-

рушило мой брак. Моя жена сказала мне, прежде чем уйти: «я не могу жить с человеком, для которого я игрок на скамье запасных».

– И почему вы решили уйти именно сейчас, Чарли?

– Увидев, как ты упал замертво, словно скошенный, я подумал, что смерть и меня может настичь в любой момент. И тогда я задал себе вопрос. А что у меня есть в жизни кроме работы?

– И, конечно же, ответа не было, так? – Усмехнувшись, спросил Олдман.

– Именно. – С печальной улыбкой ответил Сайкс.

– Так, и чем же вы хотите заняться?

– Пока не знаю, но я открыт возможностям.

– Надеюсь, вам понравится на пенсии, Чарли.

– Я тоже надеюсь. – Уже с мечтательной улыбкой ответил бывший тренер. – Выздоровливай, Алекс. Рад был повидаться.

Чарли вышел, и как только дверь закрылась, Генри услышал уже знакомый до боли голос.

– Смертные. Всегда поражался вам. Живете так, словно никогда не умрете. Хоть этот старик понял, что осталось немного. – Блэк стоял и смотрел в окно, сложив руки за спиной.

– Дестер? Снова ты?

Смерть развернулся, и одарил Олдмана приветливой улыбкой.

– Это же больница, Генри. здесь я частый гость. Как самочувствие?

– Лучше, чем болтаться привидением по городу.

Взгляд Дестера внезапно стал серьезным.

– Об этом я и хотел с тобой поговорить. Меня попросили присматривать за тобой, но пойми, даже я не всемогущ.

– Что за загадки, Дестер? – Осторожно спросил Олдман.

– Тебе выпал отличный шанс прожить жизнь заново. Ты знаешь, что будет, когда ты умрешь. И это серьезное преимущество. Просто... постарайся пожить еще, прежде чем ты опять окажешься призраком, ладно?

– Хорошо. – Слегка ошарашено произнес Олдман. – Не знал, что смерти есть дело до чьей-то жизни.

– Мне пора, Генри. Увидимся. – Дестер пересек палату, и скрылся, пройдя сквозь стену.

В течение дня к Генри несколько раз приходили посетители: Редженальд Кларк – друг и коллега Миддла; Луиза Паттерсон – родная сестра погибшей матери Алекса. Приходили и другие, но их имен Генри не запомнил.

Дни в больнице летели, и, Генри, устав лежать, пробовал ходить. Первые попытки успехом не увенчались, но к концу недели Олдман, уже мог свободно передвигался по палате.

Доктор О’Брайн похвалил Генри, но советовал нагружать организм постепенно, поэтому Олдман в коридор выходил редко.

Нескончаемым потоком, словно караваны, стремящиеся

к оазису в жаркой пустыне, к Генри приходили посетители: друзья, знакомые, болельщики, родственники. Все они с одинаковыми улыбками желали выздоровления, хорошего настроения, снова и снова приносили букеты цветов, которыми уже была завалена вся палата. Все эти люди хорошо знали Алекса Миддла, но, ни один из них даже не подозревал о Генри Олдмане, ставшим новым хозяином тела, которое когда-то принадлежало знаменитому спортсмену.

Генри общался с гостями неохотно, желая скорее остаться один. Но все менялось, когда заходила Николь. В эти моменты Олдман по-настоящему становился живым. Его сердце начинало учащенно биться, мысли начинали путаться, временами его щеки даже заливал румянец. С Генри Олдманом после его смерти случилось то, чего никогда не случалось при жизни – он влюбился.

Вечером четырнадцатого дня, к Генри снова пришла Николь. Но в этот раз она была не одна. Николь зашла в палату, а рядом с ней стоял мальчик, на вид которому было не больше семи лет. Несмотря на юный возраст, у него были серьезные по-взрослому, карие глаза, взгляд которых с порога начал сверлить Олдмана. Золотистые, как зрелая пшеница волосы, небрежно торчали в разные стороны. На нем были джинсовые шорты и яркая красная футболка. Сама Николь была одета в спортивный костюм и кроссовки, как будто она собиралась на пробежку после посещения больницы. Ее светлые волосы на этот раз были собраны в конский хвост.

– Здравствуй, Алекс – Улыбнувшись, проговорила Николь.

– Привет, дорогая. – Вставая с постели, ответил Генри. – А кто это с тобой?

– Знакомься, Алекс. Это наш сын – Томас. Я не хотела приводить его, пока ты был слаб, но скоро тебя выписывают, и я решила, что сейчас самое время вас познакомить.

– Привет, Томас – Сказал Олдман, подходя ближе.

– Ты не мой отец. – Отступая назад, сказал Том.

Олдман остановился, опешив от такого заявления.

– Томас, что ты говоришь такое? Конечно же, это твой отец. – Удивленно проговорила Николь.

– Мама, нет. Это не мой отец. Мой отец умер, я видел.

– Сынок, твой отец чуть не погиб, но его спасли. Мы должны благодарить Бога за то, что Врачи смогли вернуть его с того света.

– Нет, мама, ты не понимаешь. – С наворачивающимися на глаза слезами проговорил Томас. – *Я видел, как его забрали.*

– Это врачи забирали твоего папу с поля! Это их ты видел. – Воскликнула Николь, начиная нервничать.

– Там был человек в черном костюме! Он забрал папу! – Томас, уже не сдерживая слез, выбежал в коридор.

– Прости, Алекс. У него просто стресс. – Извиняясь за поведение сына, сказала Николь.

В горле у Генри пересохло, еле движущимися губами он

только и смог выдавить из себя:

– Все в порядке. Я понимаю. Мне и самому иногда кажется, что я другой человек.

– Алекс, мне надо идти. Я думаю, что когда ты вернешься домой, все наладится. Спокойной ночи, дорогой.

– Доброй ночи, Николь.

Они ушли, а Генри еще долго не мог уснуть, прокручивая в голове образ мальчика, знавшего его страшную тайну.

Глава 5

Прошла еще пара дней, а Николь так и не появлялась. Посетители тоже перестали приходить к Олдману. Единственный, кто регулярно навещал Генри – это его лечащий врач Николас О’Брайн.

Генри уже давно не ставили капельницу, и он свободно гулял по палате. Наконец, ему стало предельно скучно, и он решил отправиться на прогулку по коридорам больницы.

Олдман спустился на первый этаж, где находилось приемное отделение. Работа там шла полным ходом. На Генри никто не обращал внимания, все были заняты своим делом. Вокруг сновали врачи и медсестры, люди толпились в очередях, то и дело раздавались телефонные звонки, Администраторы принимали и распределяли поступающих к ним людей. Вся эта суматоха напомнила Олдману о собственной работе на Уолл-Стрит.

Двери коридора неожиданно распахнулись, и в приемную ворвались врачи скорой помощи, везущие мужчину на каталке.

– Срочно готовьте реанимацию! У нас тут несколько пулевых ранений! – Выкрикнул один из врачей.

Вслед за ними, не спеша зашел Смерть. Увидев Генри, он приветливо ему подмигнул.

Врачи, везущие раненого мужчину, пронеслись через

приемное отделение, и въехали в коридор, ведущий к реанимационной палате.

Створчатые двери за ними захлопнулись, но Дестера это не остановило. Он так же легко прошел сквозь закрытые двери, как если бы их там и не было.

Сам не понимая зачем, Генри кинулся вслед за ними.

Когда Олдман вбежал за врачами, Блэк уже ждал их, стоя в коридоре. В этот момент раненый мужчина на каталке пришел в себя и закашлялся. Медсестра сразу сняла с него маску для искусственного дыхания. Вместе с кашлем из горла мужчины обильно полилась кровь, а руки, которые он хотел поднять, плетью свисли с каталки.

– Мы его теряем! Скорее! Нет пульса! – Врач кричал, прибавляя каталке ходу.

Душа погибшего вышла из тела, а его труп завезли в реанимацию, в надежде спасти его жизнь.

Генри вздрогнул, ожидая оказаться в теле несчастного, но его дух остался на месте.

Погибший с непониманием осматривался по сторонам. Увидев Блэка, он спросил:

– Что происходит?

– Вы умерли, мистер Нортон.

Умерший Нортон в ответ рассмеялся.

– Что ты несешь? Ты что, обкурен?

– Мистер Нортон, загляните в эту палату.

Нортон заглянул в круглое окно, и увидел врачей, которые

столпились над каким-то человеком. Желая лучше рассмотреть, что происходит, дух Нортона подался вперед, но вместо того, чтобы облокотиться о дверь, он провалился внутрь палаты.

Спустя несколько секунд, он вырвался оттуда как ошпаренный.

– Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ! – Крикнул он, и помчался прочь от Дестера, летя прямо на Олдмана.

Дестер сложил руки, и наблюдал, не вмешиваясь в происходящее.

Генри, который впервые видел со стороны, как забирает души Смерть, даже не подумал отойти от несущегося на него духа, а наоборот, инстинктивно схватил того за руку.

Рука Олдмана не прошла сквозь Нортона, как он запоздало подумал, а крепко сжала его запястье.

Нортон вскричал в панике:

– Да что тут вообще происходит!?

– Мистер Нортон. Я понимаю, как вы себя сейчас чувствуете. – Начал Олдман.

– Понимаешь!?! Я только что видел свое изрешеченное свинцом тело, в котором ковыряются три врача! И чертову линию, вместо пульса на их долбаном экране!

– Мне приходилось умирать много раз. Признаться честно, я и сейчас покойник, которому досталось чужое тело.

Нортон уставился на Генри во все глаза.

– Я понимаю, сложно принять свою смерть. – Продолжил

Генри.

– Этот ублюдок! Он убил меня, понимаешь? Я не могу уйти, пока не отомщу ему!

– Мистер Нортон... за долгие годы, которые я пробыл призраком, успел повидать многое. Если вы сейчас уйдете отсюда, то возможно навсегда останетесь не упокоенной душой.

– И что же мне делать? Вот так бросить все?

– Вы знаете, кто вас убил?

– Это был отморозок из банды. Как же ее... ах, да! «Уличные псы» по-моему. У него была повязка на левом глазу.

– Я передам эту информацию полиции. И он заплатит за содеянное на этом, и том свете. Обещаю. А сейчас, вам нужно идти. Мистер Блэк отведет вас.

– Хорошо, парень, наверное, ты прав...

Призрак Нортон медленно полетел обратно к Дестеру, и тот привычным мановением руки уже открыл портал. Когда Нортон скрылся внутри, Блэк повернулся к Олдману.

– Я знал, что ты справишься, Генри. Ловко. – Он помахал Олдману рукой, и скрылся в портале.

Врачи начали выходить из реанимации, и, один из них увидел Олдмана.

– Сэр, вам сюда нельзя!

– Я гулял и заблудился, извините. – Ответил Генри врачу и вышел обратно в приемную.

Желание побродить по больнице пропало у Олдмана по-

сле случившегося, и он решил вернуться в палату, тем более, что скоро должны были подать обед.

По дороге, Генри встретил еще пару блуждающих духов, которые с жутким, но не слышным для людей завыванием, парили по просторам госпиталя. Олдман дал себе слово, что когда наладит свою жизнь в новом теле, обязательно поможет им добраться до первого неба.

Впереди показалась дверь его палаты, и, совершенно неожиданно из-за угла вышла Николь. Сегодня она была одета в короткое летнее платье, на котором красовался целый букет нарисованных цветов. Волосы струились по плечам, а ее улыбка сражала на повал. В руках она несла небольшую дорожную сумку. При одном взгляде на нее Олдман увидел, что в ней так много жизненной силы, и энергии, чего так не хватало ему самому.

– Вот ты где! – Подойдя ближе, завела разговор Николь. – А я тебя повсюду ищу.

– Решил немного пройтись, а то спина уже затекает на это койке. – Генри слабо улыбнулся. – Тебя не было целых два дня, я начал волноваться...

– Томас. Дело в нем. Ему сейчас очень сложно. Но, я думаю, что если вы будете чаще общаться, то он быстрее убедится в том, что ты вернулся. Да и к тебе, я думаю, память быстрее вернется.

– Ты будешь чаще приходить ко мне вместе с Томом?

– Нет, Алекс... Я поговорила с твоим врачом. Он сказал,

что теперь тебе помогут скорее встать на ноги только уют и покой. Поэтому, когда я спросила, можно ли тебя забрать домой, он с радостью поддержал мою идею.

– Это... это здорово! – Генри еле сдержал себя, что бы ни прыгнуть до потолка от радости.

– Прими душ и переоденься. Вот, возьми. – Она протянула Генри сумку, в которой лежала чистая одежда, бритвенный станок и шампунь.

В больнице была общая душевая, но нужды в ней не было. Как сказал доктор Николас, Олдману досталась лучшая палата, в которой, как раз кстати, оказалась своя небольшая ванная комната. Генри взял из сумки шампунь и бритву, и скрылся в душевой.

Вода мощным напором падала из душа, приятно охлаждая кожу. Олдман стоял под ней несколько минут, наслаждаясь этим моментом, пока, наконец, не начал мыться. Сделав воду по горячее, Генри принялся тщательно скоблить себя мочалкой, избавляясь от пота и грязи.

Искупавшись, он вышел из душа, вытерся, и, обмотав полотенце вокруг бедер, взялся за бритве. Подойдя к раковине, Олдман провел рукой по запотевшему зеркалу, откуда на него взглянул совершенно другой человек. Генри даже не сразу понял, что на него смотрит *его* отражение. Это был высокий, загорелый мужчина, на вид которому было около тридцати. Русые волосы свисали мокрыми космами. Серые, как утренний туман глаза с удивлением уставились на Олд-

мана. Под двухнедельной щетиной прятались крепкие, высокие скулы. Подбородок остро выпирал вперед. При каждом движении мышцы на руках перекачивались сытыми удавами, перевитыми тугими жилами. Новое тело Олдмана находилось в прекрасной физической форме.

Генри побрился, и зашел обратно в спальную часть палаты, где его уже ожидала Николь. Она сидела на краю кровати, и смотрела на Генри влюбленными глазами.

– Николь... я хотел бы переодеться.

– Что? Ах, да, я забыла, что мы знакомимся заново. Я подожду тебя снаружи.

Она вышла, оставив Генри одного. Олдман извлек из сумки комплект вещей, который принесла ему Николь. Это оказалась белая футболка с логотипом «быков» джинсы, и кеды. Переодевшись, Генри почувствовал себя гораздо лучше, как будто поставив точку на своем пребывании в больнице. Впереди его ждала масса возможностей, и он не за что не собирался их пропускать.

Глава 6

Генри и Николь вышли на улицу, где их уже ожидала машина такси. Олдман услужливо открыл заднюю дверь желтого форда, пропуская Николь, а сам обошел машину и сел с другой стороны.

Водитель оказался грузным арабом, от которого пахло табаком и пряностями. У него были густые, черные, как уголь курчавые волосы, а на смуглом лице виднелась небольшая, закрученная борода. Он был одет в свободный зеленый халат, расписанный восточным орнаментом.

– Салам алейкум! – Добродушно поприветствовал таксист своих пассажиров, говоря с заметным акцентом. – Куда может отвести вас Джафаар ибн Калмыр?

– Здравствуйте! – Звонким голосом отозвалась Николь. Гринвич-стрит 125, пожалуйста.

Водитель провернул ключ в замке зажигания, и послышалось приглушенное рычание двигателя.

– Долетим в мгновение ока! – Весело воскликнул Джафаар. – не возражаете ли вы, дорогие друзья, если я включу музыку?

– С удовольствием послушаем, правда, Алекс? – Николь посмотрела на Генри с яркой улыбкой.

– Конечно. – Ответил Генри.

Джафаар включил старенькую магнитолау «JVC», и из ди-

намиком послышался бодрый голос какого-то хип-хоп исполнителя.

Некоторое время они ехали молча. Слышны были только музыка и комментарии таксиста по поводу всех, кто ехал по дороге. То и дело он давил на сигнал, высовывался в окно, и, грозя кулаком какой-нибудь машине, выкрикивал ругательства с доброй примесью арабских словечек.

Наконец, Генри заговорил.

– Никогда не понимал, что такого интересного в этих штуках, которые люди держат в ладонях?

– О чем ты? – Николь присмотрелась к пешеходам, мелькавшим за окном. – Ааа... ты про смартфоны? Они сейчас у каждого есть в Нью-Йорке, кроме меня, наверное. – Николь звонко рассмеялась.

– Да. – Горько проговорил Генри. А ведь мимо них проходит жизнь. Но, вместо того, что бы наслаждаться ей, все они пялятся в металлические коробочки с экраном.

– Добро пожаловать в 21 век, Алекс. – С улыбкой проговорила Николь, сама не понимая, Что приветствует чуждого этой эпохе человека.

Снова в машине ненадолго наступила тишина, но на этот раз первой завела разговор Николь.

– Я помню, как мы познакомились с тобой. Это было десять лет назад, а кажется, что всего пара дней прошла с того момента.

Олдман выжидающе посмотрел на нее.

– Я сидела на скамейке в национальном парке, и смотрела, как солнце садится за верхушки деревьев, как вдруг подошел ты и сел рядом. Потом ты спросил меня, знаю ли я, что я похожа на этот закат, которым сейчас люблюсь?

– И что же ты ответила?

– Я сказала, что не знаю. Но мне стало любопытно, и я спросила: «Так чем же я похожа на этот закат?» – Она мечтательно улыбнулась, переживая в воспоминаниях тот вечер. – Ты ответил мне: «Я прихожу сюда каждый вечер, и вижу, как вы встречаете закат, провожая солнце. Но, как неповторим каждый закат, так и неповторимы вы, хотя и вы, и солнце встречаетесь каждый день здесь, на этой скамейке».

Олдман рассеянно улыбнулся.

– Видимо, это была любовь с первого взгляда.

– Да, именно так это и было. Потом мы гуляли до поздней ночи, бродя по темным улицам.

– Как жаль, что я не помню этого.

– Ничего, дорогой. Придет время, и ты вспомнишь. Доктор прописал тебе таблетки для стимуляции восстановления памяти. Он не уверен, помогут ли они тебе, но что нам остается?

– Николь. Даже если память не вернется ко мне, это отличный второй шанс на новую жизнь, правда?

– Будем надеяться на лучшее. – Николь тепло улыбнулась Генри, и под ее взглядом он нерешительно улыбнулся в ответ.

Остаток пути они смеялись, и разговаривали обо всем, что придет им в голову. Наконец, Джафаар остановился у высокого здания.

– Вот мы и приехали. – Сказал он, разворачиваясь на пол корпуса к пассажирам.

Николь достала кошелек, отсчитала несколько купюр, и протянула водителю.

– Оооо! Спасибо, милая леди – Радуюсь хорошим чаевым, сказал Джафаар. Пусть Аллах освятит ваш путь!

Генри и Николь вышли из такси, и ффорд, набирая скорость, уехал, растворившись в потоке машин. Пока они ехали сюда, город окутало сумерками.

Олдман рассматривал здание, которое появилось здесь совсем недавно, вспоминая, как однажды полетал мимо этого места, после начала стройки. Правда, когда Генри посещал этот район в последний раз, детая духом, был построен только первый этаж, а сейчас здание величественно нависало над невысокими постройками Гринвича.

– Ты чего? Так и будешь тут стоять? – Сделав притворно-удивленный взгляд, спросила Николь. – Пойдем скорее внутрь! – Она взяла Генри за локоть и потянула к входной двери.

Николь приложила магнитный ключ к сенсору возле входа, и дверь услужливо поддалась, впуская их внутрь.

Вдоль длинного коридора, слева и справа виднелись одинаковые двери квартир. Посреди просторного Холла был

расположен лифт, с обеих сторон от которого росли большие цветы в горшках, названия которых Олдман не знал. В здании было чисто и убрано.

Николь нажала на кнопку вызова, и, улыбаясь, смотрела на Генри.

– Ну как, Алекс, ты готов?

– Готов к чему? – Генри чувствовал себя неловко, в новой обстановке.

– Попасть домой, конечно же! Мне так не терпится тебе все показать, хочется, что бы ты быстрее все вспомнил...

– Чувствую себя не в своей тарелке. – Без утайки ответил Генри.

Взгляд Николь стал печальным, и она ответила.

– Возможно, будет тяжело, Алекс. Но, я готова пережить это с тобой, ведь я люблю тебя. А вместе мы справимся.

Раздался звуковой сигнал лифта, и двери открылись. Услышав его, Олдман вздрогнул, вспоминая тот самый вечер восемьдесят четвертого года.

Зайдя в лифт, Николь нажала на клавишу, на которой светилось число «23», и лифт неспешно отправился вверх. По прибытии на нужный этаж, лифт так же издал звон, оповещающий об остановке, и двери раздвинулись, выпуская пассажиров.

Николь сразу отправилась по длинному коридору, маня за собой Олдмана.

Остановившись перед квартирой с номером «154 б», она

остановилась, и позвонила в дверной звонок, который протяжным, дребезжавшим звоном оповестил о прибытии гостей. Прошло несколько секунд, и за дверью послышался детский голос:

– Кто там?

– Том, милый это я. – Отозвалась Николь.

Томас, не открывая двери, спросил:

– Ты одна?

Николь покраснела, кинула скользкий взгляд на Генри и ответила:

– Нет, Том, я пришла вместе с папой.

– Мама! Зачем ты его привела!?! – Прокричал из-за двери Томас.

– Что значит зачем!?! Том! Немедленно открой дверь!

До слуха Олдмана донеслись всхлипы, и звук отпирающегося замка. Когда они вошли, Том стоял, со свежими дорожками слез на лице.

– Мам! Неужели ты не видишь!?! Это же не папа!

Николь вошла в квартиру, вслед за ней зашел Генри.

– Томас Миддл! Немедленно прекрати истерику! Твой отец жив, и, слава Богу, здоров! Перестань фантазировать, и строить из себя жертву! Иди к себе в комнату, и подумай хорошенько о своем поведении!

Губы Томаса задрожали, и, еще не просохшие глаза снова выпустили наружу слезы. С всхлипами, он убежал в дальнюю комнату.

Когда послышался звук хлопнувшей двери, Николь не выдержала. Ее губы задрожали, и слезы в глазах прорвали запруды, освобождено хлынув по щекам. Генри схватил ее в объятия.

– Тише, тише, я рядом. – Прошептал ей на ухо Олдман.

Николь прижалась к Генри всем телом, уткнувшись головой ему в грудь. Они так и стояли некоторое время, пока Николь не заговорила прерывающимся от всхлипов голосом.

– Алекс... ну почему? Почему все... так?

– Просто... дай ему время привыкнуть. Многое случилось, и ты сама говорила, что это серьезный стресс для него. А я думаю – для всех нас.

– Да, ты прав – прошептала в ответ Николь.

Она отстранилась от него, упершись кулачками в грудь. Николь мигом взяла себя в руки, и бледная улыбка снова заиграла на ее лице.

– Раздевайся, и чувствуй себя как дома, Алекс Миддл.

Генри разулся, и решил осмотреть место, где ему суждено было жить. Николь, переделавшись в домашний халат, и сразу пошла на кухню, готовить ужин.

Квартира, в которой жила семья Миддла была свежей и уютной. Гостиная была просторной, с темным, цвета венге полом, посреди которого лежала шкура белого медведя. На одной стене, слева от входа, висел монитор, такой же, как Генри видел в больнице, только больше. Другую стену, напротив двери, занимали панорамные окна, смотрящие в оку-

таннный смогом город. За шкурой, напротив монитора, висящего на стене, стоял роскошный кожаный диван черного цвета. Стены были выкрашены в белый цвет, и на них виднелось множество фотографий.

Осмотрев гостиную, Олдман вышел в коридор, и, повернув налево, пошел дальше, попав в спальню.

Спальня была совершенно не похожа на общую комнату. Пол был тепло-коричневого оттенка, на стенах были белые обои, с золотистыми, витиеватыми узорами. Напротив большой, двуспальной кровати, на стене тоже висел большой монитор. В правом углу, возле входа стоял большой платяной шкаф. Слева от входа у стены стоял комод, с разложенной на нем косметикой. Напротив двери было большое окно, по бокам которого свисали шторы.

Дальше по коридору, с левой стороны была комната Томаса, затем, коридор поворачивал, ведя на кухню, и не доходя до нее, справа виднелись двери ванной комнаты и туалета.

Олдман тихо вошел в кухню, которая оказалась светлой и просторной: у стены напротив входа располагались духовка, посудомоечная машина и раковина, встроенные в столешницу, над которой висели ярко-красные шкафчики для посуды и кухонных принадлежностей. Посреди кухни располагалась барная стойка и пара высоких стульев с круглыми сидениями. Николь стояла возле раковины и резала овощи. Олдман подошел к ней, и обнял ее сзади за талию. Николь на секунду замерла, затем улыбнулась и развернулась к нему.

Немного подавшись вперед, Генри отыскал ее губы своими, и они слились в страстном поцелуе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.